

МИССИЯ русской эмиграции, доказавшей своим исходом из России и своей борьбой, своими «ледяными походами», что она не только за страх, но и за совесть не приемлет ленинских гравов, ленинских заповедей, миссия эта и заключается ныне в продолжении этого неприятия. «Они хотят, чтобы реки текли вспять, не хотят признать совершившегося!» Нет, не так, мы хотим не обратного, а только иного течения. Мы не отрицаем факта, а расцениваем его, — это наше право и даже наш долг, — и расцениваем с точки зрения не партийной, не политической, а человеческой, религиозной. «Они не хотят ради России претерпеть большевиков!» Да, не хотим — можно было претерпеть ставку Батыя, но Ленинград нельзя претерпеть. «Они не прислушиваются к голосу России!» Опять не так: мы очень прислушиваемся и — все еще тот же и все еще преобладающий голос хама, хищника, комсомольца, да глухие вздохи. Знаю, многие уже сдались, многие пали, а сдаться и пасть еще тысячи и тысячи.

Но все равно: останутся и такие, что не сдадутся никогда и пребудут в верности заповедям Синайским и Гавилейским, а не «планетарной» матерщине, хотя бы и одобренной самим Макдональдом. Пребудут в любви к России Сергея Преподобного, а не той, что распевала: «Ах, ах, тра-та-та, без креста!» и будто бы мистически пылала во имя какого-то будущего, вящего воссияния. Пылала! Не пора ли остановить эту бессердечную и жульническую игру словами, эту политическую риторику, эти литературные пошлости? Не велика радость пылать в сыпном тифу или под пощечинами чекста! Целые города рыдали и целовали землю, когда их освобождали от этого пылания. «Народ не принял белых...». Что же, если это так, то это только лишнее доказательство глубокого падения народа. Но, слава Богу, это не совсем так: не принимали хулиганы да жадная гадина, боявшаяся, что у нее отнимут назад ворованное и грабленое.

Россия! Кто смеет учить меня любви к ней? Один из недавних русских беженцев рассказывает, между прочим, в своих записках о тех «забавах», которым предавались в одном местечке красноармейцы, как они убивали однажды нищего старика (по их подозрению, богатого), жившего в своей хибарке совсем одиноко, с одной худой собачонкой. Ах, говорится в записках, как ужасно металась и была эта собачонка вокруг трупа и какую лютую ненависть приобрела она после этого ко всем красноармейцам: лишь только увидит адали красноармейскую шинель, тотчас же вихрем несется, захлебываясь от яростного лая! Я прочел это с ужасом и восторгом и вот молю Бога, чтобы Он до последнего моего издыхания продлил во мне подобную же собачью святую ненависть к русскому Каину: А моя любовь к русскому Авелю не нуждается даже в молитвах о поддержке ее. Пусть не всегда были подобны горному снегу одежды белого ратника — да святится во веки его память!

Под триумфальными вратами галльской доблести неугасимо пылает жаркое пламя над гробом безвестного солдата. В дикой и ныне мертвой русской степи, где почит белый ратник, тьма и пустота. Но знает Господь, что творит где-то врата, где-то пламя, что были бы достойны этой могилы. Ибо там гроб Христовой России. И только ей одной поклонюсь я в день, когда Ангел отвалит камень от гроба ее.

Будем же ждать этого дня. А до того да будет нашей молитвой не сдаваться ни соблазнам, ни окрикам. Это глубоко важно и вообще для несправедного времени сего, и для будущих праведных путей самой же России. А кроме того, есть еще нечто, что гораздо больше даже и России и особенно ее материальных интересов. Это — мой Бог и моя душа. «Ради самого Иерусалима не отречься от Господа!» Святой князь Михаил Черниговский шел в Орду для России, но не согласился он и для нее поклониться идолам в ханской ставке, а избрал мученическую смерть.

Говорили — скорбно и трогательно — говорили на Древней Руси: «Подождем, православные, когда Бог переменит Орду». Давай подождем и мы. Подождем соглашаться на новый «похабный» мир с нынешней ордой.

**Подготовка текста
Евгения ТУИНОВА**

Гонорар за публикацию перечисляется в Фонд восстановления Храма Христа Спасителя.

ПРИ ВСТРЕЧЕ собеседник представился уже совершенно по-иному — полковник Комитета государственной безопасности в отставке, бывший оперативный работник внешней разведки КГБ. Из более чем 30 лет службы в органах почти 25 провел за рубежом. За эти годы ему пришлось побывать в различных странах, случалось оказываться в сложных, порой экстремальных ситуациях. Но при этом, как он сам считает, его уникальная профессия нередко предоставляла возможность встречаться со множеством интересных людей: учеными и писателями, художниками и музыкантами, политиками и бизнесменами. Но при всем многообразии выдающихся личностей, с которыми сводила его судьба, одно из самых ярких впечатлений оставило знакомство с Верой Николаевной Буниной (Муромцевой) — верным другом и помощником Ивана Алексеевича Бунина. Великолепная память разведчика-профессионала сохранила мельчайшие подробности тех дней, что позволило нам зримо представить события 35-летней давности.

Советское посольство во Франции, рассказывает Борис Никодимович, в 1955

В 1956 ГОДУ ВДОВА И. А. БУНИНА ВЕРА НИКОЛАЕВНА СОГЛАСИЛАСЬ ПЕРЕДАТЬ ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ СВОЕГО СУПРУГА В ДАР РОССИИ. В ТО ВРЕМЯ ОНА НЕ ПОЖЕЛАЛА АФИШИРОВАТЬ СВОЕ РЕШЕНИЕ, И ТОЛЬКО НЕСКОЛЬКО ЛЕТ СПУСТЯ СТАЛО ИЗВЕСТНО, ЧТО УНИКАЛЬНЫЕ РУКОПИСИ И ДНЕВНИКИ ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ ВЕРНУЛИСЬ НА РОДИНУ. ОДНАКО ДО СИХ ПОР ТЩАТЕЛЬНО СКРЫВАЛАСЬ РОЛЬ И УЧАСТИЕ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ОРГАНИЗАТОРА ЭТИХ СОБЫТИЙ. НАКАНУНЕ 120-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ И. А. БУНИНА В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ РОССИИ» ПОЗВОНИЛ БОРИС НИКОДИМОВИЧ БАТРАЕВ. ОН РАССКАЗАЛ, ЧТО В СЕРЕДИНЕ 50-Х ГОДОВ РАБОТАЛ В СОВЕТСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ ВО ФРАНЦИИ, И ПРЕДЛОЖИЛ ПОДЕЛИТЬСЯ ВОСПОМИНАНИЯМИ О ВЕРЕ НИКОЛАЕВНЕ БУНИНОЙ, С КОТОРОЙ ПОЗНАКОМИЛСЯ В ПАРИЖЕ В 1955 ГОДУ И ОБЩАЛСЯ В ТЕЧЕНИЕ ПОЛУТОРА ЛЕТ. ЭТО ПОКАЗАЛОСЬ НАМ ИНТЕРЕСНЫМ, В ГОСТЯХ У БОРИСА НИКОДИМОВИЧА ПОБЫВАЛ НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ.

КАК В РОССИЮ ВОЗВРАТИЛСЯ АРХИВ БУНИНА

ВОСПОМИНАНИЯ СОВЕТСКОГО РАЗВЕДЧИКА

году располагало данными о бедственном материальном положении вдовы И. А. Бунина. К нам обращались русские эмигранты (а среди них было немало истинных патриотов России), которые беспокоились о судьбе бунинского литературного наследия, считая, что обстоятельства смогут толкнуть Веру Николаевну к продаже документов из архива писателя западным литературоведческим центрам или частным коллекционерам. Впоследствии мы узнали об обеспокоенности этих опасений. В Нью-Йорк, в «Фонд А. Н. Толстого» были отправлены воспоминания Бунина о Чехове, и Вера Николаевна долгое время не могла получить за это грошовый гонорар в 400 долларов.

Тогдашний посол в Париже С. А. Виноградов предложил вступить в переговоры с В. Н. Буниной, чтобы убедить ее передать уникальные рукописи мужа Советскому Союзу. Учитывая непростые отношения, сложившиеся у семьи Буниных с представителями СССР, посчитали необходимым пока скрывать сам факт связи с ней как от советской, так и от французской общественности. Особая деликатность предстоящей «операции» требовала подбора соответствующих исполнителей. После недолгих размышлений было решено организацию намеченного мероприятия поручить нам — разведчикам.

Мне в ту пору, вспоминает Б. Н. Батраев, не было еще и 30 лет. Я работал «под крышей» атташе по культуре (должность не очень значительная) и искренне удивился, когда получил необычное задание. Мне предстояло установить контакт с Верой Николаевной, причем на конспиративной основе, постараться расположить ее, помочь поверить нам и не допустить исчезновения бунинского архива.

В один из темных декабрьских вечеров 1955 года я направился на улицу Ж. Оффенбаха, 1, где в небольшой квартире проживала последние годы семья И. А. Бунина. Согласно полученным инструкциям, некоторое время «кружил» по городу на машине, пытаясь выявить за собой «хвост», затем оставил автомобиль за несколько кварталов до нужного дома и остаток пути проделал пешком. Открыла мне сама хозяйка, я представился, протянув визитную карточку сотрудника советского посольства. Встретили меня настороженно. Вера Николаевна проводила меня в заполненную старой мебелью очень уютную гостиную и сразу вызвала Леонида Федоровича Зурова, многолетнего секретаря Ивана Алексеевича. Вдове писателя в ту пору было около 75 лет. Эта высокая, стройная женщина до преклонного возраста сохраняла удивительную ясность мысли, а величественная осанка, какая-то особая манера держаться выдавали в ней аристократку.

Мое первое пребывание в этом доме было непродолжительным. Я рассказал, что являюсь почитателем таланта Ивана Алексеевича (и действительно им стал, и остаюсь таковым по сей день) и давно мечтал познакомиться с близкими ему людьми. Поговорили о России. Кстати, Вера Николаевна никогда не употребляла для названия родной страны слов «Советский Союз», «СССР», а обходилась только одним — Россия. Я в разговорах с ней стал также ограничиваться этим названием, правда, время от времени прибавляя к нему «Советская». Я довольно подробно рассказал о себе, своей семье. Благоприятное впечатление на собеседницу произвело сообщение, что мой дед был сельским учителем, а затем решением деревенского схода избран священником. К концу встречи я почувствовал смену настроения хозяйки. Настороженный тон сменился более дружелюбным.

С тех пор я регулярно (практически ежемесячно) бывал в этом прекрасном доме, где бережно сохранялось все то, что напоминало об Отчизне: и неприменный чай с баранками, и старые русские книги, и необыкновенная, почти забытая нами родная речь. И еще сохраняла Вера Николаевна поразительную преданность своему мужу, его делу. Даже обстановка в квартире не менялась. По словам Зурова, Вера Николаевна жила памятью об Иване Алексеевиче, и это придавало ей силы. Мне самому она как-то призналась, что очень хочет побывать на Родине, но боится там умереть и быть похороненной вдали от любимого человека.

Вера Николаевна охотно рассказывала об И. А. Бунине. О том, как тяжело переживал он разрыв с Россией, как формировалось его решение восстановить связи с Отечеством в тяжелые годы второй мировой войны. Писатель жил тогда в Грассе, на юге Франции. Регулярно тайно слушал Московское радио и сообщения союзников о положении на фронте. По соседству на хлебопекарне работало четверо русских парней. Несмотря на их документы, по которым они значились как эмигранты, все местные жители знали, что это советские военнопленные, сбежавшие из фашистского лагеря. Знали, но никто не выдавал. Иван Алексеевич особенно часто общался с одним из них — Андреем из Киева. Представители различных поколений, выходящие из различных социальных слоев, они тем не менее прекрасно находили общий язык на почве безграничной любви к Отчизне. Нередко спорили, не соглашались друг с другом, но всегда их объединяло и примиряло общее необыкновенно развитое у обоих чувство патриотизма, вера в победу России.

В 1945 году Бунин получил советское гражданство и приступил к решению прак-

тических вопросов для переезда в Москву. А помешал этому, по словам Веры Николаевны, нелепый случай, какой-то злой рок. Вскоре после войны в Париже побывал Константин Симонов. Иван Алексеевич знал, что этот поэт приобрел в России широкую известность своими военными репортажами и стихами, и согласился встретиться с ним. Направляясь к Симонову в консульство СССР, он рассчитывал найти понимание, дружеское участие, а столкнулся с жестким, бездушным обращением. «На что вы истратили лучшие годы? На борьбу с нами?» — такими словами был встречен Бунин. Словно мальчишку отчитал нобелевского лауреата Симонов. Надо знать характер Ивана Алексеевича, рассказывала Вера Николаевна. Тут же на глазах Симонова он разорвал свой советский паспорт.

Не всегда гладко складывалось у нас общение с В. Н. Буниной, продолжает вспоминать Борис Никодимович. Однажды, придя к ней, я увидел хозяйку в сильнейшем раздражении. Причина выяснилась сразу. На письменном столе лежал первый том только что вышедшего в СССР пятитомного собрания сочинений Бунина. Вера Николаевна была возмущена не столько подготовкой данного издания без раз-

решения наследников, сколько вступительной статьей «некоего», по ее словам, Льва Никулина, который «осмелился писать об Иване Алексеевиче и обо мне, даже ни разу не встретившись с нами». Трудно было потом убедить ее в отсутствии злого умысла по отношению к их семье в нашей стране, восстановить прежнюю дружескую атмосферу.

Видя, какую нужду испытывает вдова великого русского писателя, я пытался изыскать возможности ей помочь. Было ясно, что конверт с деньгами из советского посольства в виде бескорыстного дара она никогда не возьмет. Идея родилась неожиданно. Посовествовавшись с послом, сообщили наше предложение в Москву. Ответ пришел немедленно. Через неделю я пришел на улицу Ж. Оффенбаха с сообщением, что Союз писателей СССР назначил В. Н. Буниной пожизненную пенсию размером 80 тысяч франков ежемесячно. Вера Николаевна была тронута вниманием Родины и до конца своих дней получала эту помощь.

Решение же о передаче литературного архива мужа она приняла самостоятельно, еще до предоставления ей пенсии. Сейчас я убежден, что иначе поступить она не могла. Я в разговорах с ней нередко пытался проводить мысль, что произведения Бунина являются достоянием русского народа, способного в полной мере оценить их красоту и неповторимость. Впрочем, ни Вера Николаевна, ни Леонид Федорович Зуров не испытывали ни малейших сомнений по этому поводу и, наоборот, удивлялись, сколько раз я могу повторять прописные истины. Весной 1956 года мне был передан объемистый пакет с бесценными рукописями. Потом такие «передачи» стали регулярными. В посольстве мы делали первоначальную опись и отправляли документы в Москву. Уже много лет спустя, вернувшись на Родину, я обнаружил в девяти томнике И. А. Бунина, вышедшем у нас в 1965—1967 гг., некоторые произведения из пакетов, переданных мне Верой Николаевной Буниной.

В гостях у Бориса Никодимовича Батраева побывал и записал его рассказ, позволивший открыть еще одну страницу недавнего прошлого, связанную с именем Бунина, наш корреспондент Сергей МОШЕЧКОВ.

ОТ РЕДАКЦИИ: Мы понимаем, что многие детали наш собеседник, в силу специфики своей работы, был вынужден скрывать — не в этом главное. Главное в том, что благодаря ему и еще многим другим русским патриотам стало возможным возвращение на Родину имени и творений славного сына нашей Отчизны, так трагически и нелепо разлученного с нею.